

Международная научно-практическая конференция
«Реформация: история и современность»
(к 500-летию Реформации)

Вильнюс, 24-25 апреля 2015 г.

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ

«Реформация и христианство в современном мире»

Ведущий дискуссии:

Михаил Мокиенко (Евро-Азиатская аккредитационная ассоциация, Львов).

Участники дискуссии:

Сергей Санников (Евро-Азиатская аккредитационная ассоциация, Одесса),

Александр Гейченко (Одесская богословская семинария, Одесса),

Алексей Маркевич (Московская богословская семинария, Москва),

Виталий Хромец (Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, Киев),

Татьяна Никольская (Санкт-Петербургский христианский университет, Санкт-Петербург),

Юлия Красникова (Санкт-Петербургский христианский университет, Санкт-Петербург).

Ведущий:

– Не отменяет ли понимание Реформации как процесса, Реформации как события?

Сергей Санников:

– Вопрос очень хороший. Дело в том, что в моем докладе, который вы будете читать, там об этом говорится намного больше. В нем я пытался показать взаимосвязь Реформации как процесса и Реформации как события. Потому что между этими понятиями есть диалектическая связь. Есть, образно говоря, «узловые точки» Реформации. Реформация нарастает как процесс, и происходит как событие. И это – постоянное движение. И я хочу еще раз уточнить то, что я подчеркивал в выступлении: есть опасность перепутать реформацию с инновацией, о чем упомянул и Алексей Маркевич. То есть, опасность увидеть реформацию как необходимость подстраиваться под общество, ориентироваться на общество. Я вижу это как серьезную опасность, которая ожидает Церковь, когда она будет реформироваться в связи с изменяющимся обществом. В чем-то необходима реформация, но в чем-то требуется сохранить стабильность. Один из самых важных лозунгов реформации, который необходимо выдержать, должен быть: «Неизменное Евангелие изменяющемуся миру». Именно это будет правильно. Есть нечто неизменное – то, что должно провозглашаться для изменяющегося мира. Но, естественно, мы должны научиться говорить на языке контекста, на языке общества, к которому Церковь обращается и к тому контексту, в котором она находится.

И когда мы начинаем процесс реформации – мы перестраиваем себя под воздействием прежде всего Духа, а не общества. Именно так мы, собственно, и должны построить нашу реформацию, конкретную реформацию в наших общинах. Потому я хотел бы поменьше употреблять слово «церковь» и использовать слово «община веры». Изменение общины должно как раз происходить вслед за меняющим свое действие Духом.

Также хочется заметить, что тот лозунг, который мы много раз слышали на этой конференции **Ecclesia reformanta**, в полной форме заканчивается следующей фразой: **secundum verbum Dei**. То есть, «в соответствии, или по Слову Божьему». Вот это **secundum verbum Dei** – очень важное окончание принципа реформации. То есть, это не просто реформация как таковая, а это реформация в соответствии со Священным Писанием. Если мы делаем так, то тогда реформация будет нарастать как постоянный процесс, имеющий узловые или переходные точки – события реформации. Другими словами изменения должны выплеснуться во что-то, и тогда происходит изменение структуры, изменение системы, изменение определенной традиции – происходит событие реформации. Так что событие реформации и процесс реформации, конечно же, взаимосвязаны.

Ведущий:

– Спасибо. Может быть, кто-то еще хочет продолжить?

Алексей Маркевич:

– Тоже сошлюсь на свой доклад: там есть цитата Карла Барта про ортодоксию: «Самая худшая ересь, – это ортодоксия». В каком смысле? В том смысле, что если произошло какое-то событие в реформации, мы чего-то достигли и мы на этом остановились, – то мы впадаем в ересь. Хотя при этом важно понимать, что есть определенная преемственность, что когда идет реформация, это не просто совершенно новый поиск «с нуля». Барт принадлежал к реформатской традиции, где отношение к символам веры гораздо более серьезное, трепетное по сравнению с радикальной реформацией, где сегодня одно учение, а завтра другое. И Барт даже, можно сказать, был вынужден высказывать многие свои идеи, новые идеи, в рамках существующего вероучения, которое было. Поэтому с одной стороны, у нас есть самый главный якорь – это Писание, Слово Божие. С другой стороны, у нас есть некая традиция, которую мы критически осмысливаем, но все-таки оставляем. И самое главное – то, что мы продолжаем двигаться вперед. Потому что мы понимаем, что мы несовершенны и любое наше человеческое высказывание оно будет несовершенным, оно будет греховным. Греховным в том плане, что оно не достигает совершенства. Поэтому мы постоянно нуждаемся в дальнейшем уточнении, в дальнейшей реформации.

Ведущий (вопрос к слушателям):

– Может быть у вас в контексте нашего общего вопроса «Реформация – это процесс или событие?» есть какие-то подвопросы?

Владимир Обровец:

– Сергей Викторович очень хорошо начал. И я бы хотел добавить одно предложение. Любой процесс в человеческом обществе, даже научно-техническая революция, начинается с какого-то события. Например, кто-то изобрел лазер, и после этого стали развиваться лазерные технологии. Вот так и Реформация – она есть и она будет продолжаться, но нужно было изначальное событие – его совершил Лютер.

Ведущий:

– В историографии этой темы есть такое понятие: реформаторы до Реформации. Речь идет о предтечах Лютера. Многие иногда даже справедливо говорят о том, что возможно мы, забывая о них, подчеркиваем роль только одной личности и игнорируем другие личности. Видите ли вы сегодня реформаторов до реформации? Например, современный дискурс намекает на то, что теология снова становится в приоритете. В восточно-европейском контексте мы это наблюдаем в последние годы. Не меняет ли это взгляд на экклесиологию сегодня с акцентом вот этого фактора – реформаторов до реформации? Видите ли вы сегодня каких-то реформаторов, которые предвосхищают какие-то события?

Александр Гейченко:

– Мне кажется, что в определенном смысле экклесиология стала нормативной дисциплиной. То есть, двадцатый век задал вот этот вектор. Но я думаю, что на повестку дня сегодня выходят другие вопросы. Мне кажется, что мы скоро увидим как бы закат интереса к экклесиологическим вопросам. На первый план сейчас очень быстро выходят вопросы антропологические. Потому что все изменения, связанные с нейронаукой (или, например, с генетикой, клонированием) – все это заставляет задумываться, – а что такое человек. Я думаю, что мы очень скоро увидим, наверное, ну какой-то антропологический взрыв, то есть, большой интерес к этим вопросам.

Что касается реформаторов до Реформации, мне кажется, что это похоже на анахронизм, когда мы используем какой-то термин, связанный с определенным событием, и пытаемся прочитать события предшествующие этому событию через эту категорию. Но это мой взгляд не историка, поэтому я предаю слово историкам.

Татьяна Никольская:

– Ну, мне трудно судить о современности. Я способна понимать события, которым не меньше 25 лет. Но что касается события Реформации, то мне кажется, где-то мы несправедливо забываем о чешской Реформации. Может быть Лютера хорошо «пропиарили» (у него был хороший «пиар-отдел»). Мне кажется, что чешская Реформация это не просто предшественники Реформации, это уже Реформация, которую надо изучать, анализировать.

Виталий Хромец:

— Мы сегодня во время докладов и обсуждений говорили много о Реформации и, конечно, связывали ее с католическим контекстом. Мне кажется нельзя прямо переносить на контекст восточно-христианский, восточно-европейский. Вот упомянули о чешской Реформации. Как раз интересный факт, что первое Львовское Православное братство, которое возникло где-то в 80-х годах 16-го столетия, возникло как раз под влияние гуситских братьев. Чешская Реформация без (можно сказать) Реформации Лютера влияла на восточно-христианский контекст. И как раз влияние Реформации на украинский контекст является более гладким и последовательным. Это проявилось в возникновении целой сети братств, а потом в возникновении Острожской академии, Могилианской академии. Тогда в Могилианской академии, например, использовались одновременно и католические и православные учебники. Мне кажется, на этом тоже надо ставить отдельный акцент.

Ведущий:

— Прозвучало определение из философской энциклопедии о том, что реформация это приведение сложившихся форм той или иной религии в соответствие с изменившимися условиями. Вопрос в связи с этим: «Все-таки Реформация изменила условия, или Реформация — это реакция на условия?» Потому что многие десятилетия мы пребывали в увлечении от трудов Макса Вебера, который все-таки видит первичность в духовных преобразованиях. А сегодня мы снова слышим о том, что реформация скорее реагирует на условия, а не продуцирует изменение самих условий. Как нам лучше расставить здесь акценты?

Сергей Санников:

— Окончательного ответа на это вопрос у меня нет, потому что и экономические и социальные и духовные причины взаимосвязано родили Реформацию XVI века. Очередность и последовательность их действий разделить так же трудно, как определить, что было раньше — курица или яйцо. В действительности этот процесс глубоко взаимообусловленный. И все-таки, в моем интуитивном понимании (я сегодня не могу это еще доказать), мне представляется, что мировоззрение, какие-то идеалистические установки, духовное начало — вот что является первоосновой для всех изменений, в том числе экономических, политических и всех остальных. То есть, все-таки, кажется, что не надо очень далеко уходить от Вебера.

Алексей Маркевич:

— Здесь, наверное, надо учитывать, что одним словом называются разные вещи. С одной стороны, нас интересует, насколько Реформация влияет на саму Церковь, жизнь Церкви на то, как Реформация вдохнула жизнь в Церковь. С другой стороны, есть какие-то сопутствующие факторы, без которых она не могла бы существовать. Всем известный факт, что книгопе-

чатание дало возможность Лютеру распространять Библию на современном немецком языке и вообще распространять христианское учение. По аналогии можно предположить, что новые современные технологии являются предшественниками какого-то нового этапа реформации. Другой вопрос, насколько Церковь этим воспользуется. Хотя можно сказать, что если даже сознательно не использует их, – все равно что-то происходит. Например, мы знаем, что есть огромное количество людей, которые сидя дома, открывают Библию и с помощью интернета или видео получают большой объем информации и толкований. И они прекрасно себя чувствуют без церкви. Сюда же относится вопрос о возникающей церкви (который с этим связан): как этих людей найти, собрать, кто они такие вообще, можно ли их куда-то определить? И вот, это количество когда-то должно перейти в качество. Здесь для нас важно то, чтобы увидеть нам как церкви, что мы можем предложить этим людям, в какую сторону повести. Это очень важный вопрос.

Юлия Красникова:

– Позвольте небольшую ремарку как историка. Я столкнулась при исследовании общественно-религиозных процессов с тем, что мы хотим здесь найти какие-то доказательства – социальные, политические, экономические причины происшедшим событиям. Но я бы хотела немного сместить акцент, в частности, это касается в первую очередь Реформации, что многие процессы в духовной сфере мы не можем объяснить. Реформация началась с изменения конкретного человека, который своим примером или своей духовной жизнью (которую очень сложно изучать) становится примером для целого поколения. И в итоге, мы даже сейчас собираемся спустя 500 лет и говорим о подвиге Лютера. Поэтому, с точки зрения историка, я бы еще раз акцентировала, что Реформация – это реформация конкретного человека. А все остальное – это вторично. Реформация начинается с нас, а потом уже все остальные. Но это, наверное, чисто исторический взгляд.

Татьяна Никольская:

– Я дополню мысль Юлии Николаевны. Наверное, чтобы произошла Реформация, надо чтобы возникло какое-то критическое число людей, желающих реформироваться. Иначе, если бы Лютер был один, если бы то, что переживал он, не было близко миллионам европейцев, то, наверное, это был очередной сожжённый на костре еретик.

Сергей Санников:

– Знаете, когда читаешь о жизни этих людей, документы, которые они оставили (например, о Лютере мы знаем очень много) то поражаешься яркости и бесконечной посвященности этих людей. Мы вспоминаем 31 октября 1517 года, но, кстати говоря, сегодня это событие некоторые историки подвергают большому сомнению. А был ли вообще стук молотка 500 лет назад? Действительно ли Лютер прибавил 95 тезисов? Есть хорошие исследования, которые доказывают, что такого происшествия не было.

95 тезисов были, но не было самого события. Но это абсолютно неважно для нас: с точки зрения богословия, с точки зрения духовной жизни и с точки зрения Реформации это абсолютно не важно – прибавил ли Лютер свои тезисы к дверям на самом деле. Потому что, когда читаешь его рассказы, его труды (дневники его очень интересны), когда предстает живой человек, я поражаюсь одному – его посвященности идее. Вот вы, наверное, почувствовали это в гимне, который он написал, и который звучал в начале конференции, – это человек, для которого, ни семья, ни жизнь, ни условия, в которых он живет, – ничто не имело значения по сравнению с идеей. И так было не только с Лютером. Посмотрите на Кальвина, посмотрите на всех других реформаторов. Или посмотрите на Восток, на людей, которые участвовали или каким-то образом сталкивались с Реформацией – протопоп Аввакум и Никон. Посмотрите на столкновение этих личностей. Насколько они яркие, насколько сильные! Аввакум был брошен в яму, и 15 лет сидел в яме за полярным кругом в вечной мерзлоте. А вы бы почитали его письма! Это письма где нет ни одного намека на то, что вокруг мокро, холодно, есть нечего, все плохо. Он спорит о богословии – для него это самое важное, а на вечную мерзлоту ему наплевать.

Сегодня (а мы говорим о будущем Реформации) я, к сожалению, не могу отметить такой посвященности. Может быть, у меня такой пессимистический взгляд, но я не вижу достаточного количества людей, для которых религиозные идеи, а может быть и идеи вообще, играли бы столь сильную роль, как это было в 16-17 веках. Сегодня ценится комфорт и удовольствие. Поэтому по-человечески, я не ожидаю, что появятся такие большие личности, как Лютер, Кальвин, Виклиф. Даже трудно ожидать таких как Карл Барт, который кажется мне последней выдающейся фигурой 20 века. Таких, которые смогли бы так четко и ясно сказать очень большое слово в богословии. Похоже, что после Барта таких гигантов уже нет. И сомнительно, что они появятся. Постмодернизм не даст возможности появиться такому человеку даже в масштабах Карла Барта.

Ведущий:

– У Бачинина есть такая фраза, когда он анализирует новгородско-московскую ересь и приходит к такому выводу: новгородско-московская ересь – это первый этап вероятностной русской или славянской реформации, несостоявшейся не только из-за того, что в этом контексте не было религиозно-политической фигуры масштаба Лютера или Кальвина, но и потому, что в недрах самой системы не сформировались все предпосылки, которые бы превратили реформацию вероятностно в реформацию действительную. То есть, я понимаю, что есть личность и что если бы Лютер родился в 12 веке, а не в 16 веке, была бы Реформация или нет? С другой стороны, есть определенные предпосылки. Если бы Лютер вообще не родился (гипотетически), уровень предпосылок был на такой фазе, что Реформация произошла, просто ее особенности могли бы как-то отличаться. Поэтому здесь

мы можем говорить о личностях, но не должны забывать и о предпосылках, что для нашего восточно-европейского мировоззрения очень важно.

Иван Макаренко (вопрос слушателя):

— Я хотел дополнить спич Сергей Викторовича. Условия 21 века это огромный вызов для Реформации, для продолжения развития Церкви. Потому что у нас огромное количество средств, чтобы писать, передавать и делиться мыслями. Но люди совершенно не способны мыслить и не способны писать. Посмотрите, смс-сообщения, электронные письма — они все укладываются в одно предложение, все очень сокращенно. Люди отвыкают мыслить, отвыкают писать. И действительно, сегодня очень мало людей, которые были бы движимы идеями, богословием, чтобы размышлять и представлять совершенно новые движения духа. Поэтому, мне кажется, что это огромный вызов. Смотрите, молодежь, молодое поколение, они не способны проповедь слушать сорок минут. И все идет к тому, что это клиповое сознание, которое определяет наше время, оно просто вымывает предпосылки к этому.

Алексей Маркевич:

— Можно я чуть-чуть разбавлю ваш пессимизм. Во времена Лютера количество людей, которые могли читать, было гораздо меньшим. И это не помешало тому, чтобы Реформация состоялась. И мы, оглядываясь в историю, всегда выискиваем там какие-то жемчужины. То, что там было хорошего — вот, например, Кальвин, Лютер. Но если потерять того же Лютера или Кальвина, то мы знаем, что есть у них и много плохого и даже отрицательного, и во всей Реформации как таковой. И может быть, находясь в процессе, это все выглядело не так красиво, как мы сейчас пытаемся обрисовывать. А сила мысли это конечно важно, потому что мысль, слово — оно побеждает.

Александр Макеев (вопрос слушателя):

— Почему произошла Реформация? Реформация произошла потому, что созрели условия, или условия созрели потому, что произошла Реформация? Имеется ввиду судьбы Европы. Скажем так — оба эти противоположные условия находятся в диалектическом единстве. И посмотрим практически, где произошла Реформация, где она победила. Вот в такой стране как Англия и как Шотландия. Это были самые отсталые страны Европы. Но благодаря Реформации Англия стала самой передовой страной мира и смогла покорить полмира. Где победила Реформация? Кстати, кальвинизм, в курфюршестве Брандербург. Это была самая отсталая часть Германии. Но через некоторое время она стала самой передовой и вокруг нее объединилась Германия. Германия вышла в число самых передовых стран Европы. То есть, я хочу сказать, что социально-экономические условия породили Реформацию, но Реформация сама породила социально-политические условия, которые привели в принявших их странах к процветанию.

Роман Соловий (комментарий и вопрос слушателя):

– Я вернусь к изначальной дихотомии, которую мы озвучили: Реформация – событие или процесс. В соответствии с постмодернистской философией, событие это не факт, это гораздо более сложное понятие, которому нельзя дать определение. Я хотел бы напомнить высказывание Дельоза, который говорит, что событие, это то, что превосходит любые обозначения, это квазиначало, не имеющее формы; это то, что может по-разному восприниматься, объясняться, и каждый раз в нем будут открываться какие-то новые коннотации. Когда Дерида говорит о событии, у него есть прекрасная идея: событие и его мессианское значение. Не в нашем смысле мессианского, как связанного с Мессией. Мессианское – в понимании того, что должно еще наступить, в понимании обетования. Каждое событие в силу своего богатства и сложности несет в себе еще какое-то обетование для будущего. И вот в этом как раз мой вопрос: событие Реформации – в чем его мессианское значение для нас? Какое обетование содержит оно для будущего евангельской церкви? Спасибо.

Сергей Санников:

– Вот как раз мессианское значение любого события гораздо важнее для нас, чем само историческое событие, как факт. Многих событий реально, возможно, никогда не было. Те, которые мы читаем в учебниках, которые мы превозносим. Очень многих событий не было вообще; они – мифические события, симулякры. Но, собственно, то, что их не было, не имеет никакого значения. Потому, что значение имеет фактически то, как мы воспринимаем сегодня это событие. Какое значение оно имеет для нас и для последующих поколений – как мы передадим его дальше.

Роман Соловий (вопрос слушателя):

– В чем обетование Реформации для будущего? Как Вы думаете? Что Реформация обещает Церкви?

Сергей Санников:

– Я не могу, конечно, до конца ответить – это слишком серьезный вопрос. Но я чувствую, что Реформация обещает, что Церковь все-таки придет к Парусии. То есть, Церковь сохранится, несмотря на то, что в земном измерении это самая консервативная организация, которая тормозит развитие; она сохранится, несмотря на то, что по-человечески допускает тысячи ошибок. Но речь должно идти все-таки о том, что, в конечном счете, Дух Святой действует, – это Церковь Христа, а не наша Церковь – и Он через динамику консерватизма и реформации приведет Церковь к Парусии.

Виталий Хромец:

– Это очень хороший вопрос. Действительно, когда мы говорим о Реформации, могут ли конкретные церкви приватизировать и говорить о том, что Реформация – это мы, а другие церкви это дореформация, постреформа-

ция, недореформация. Действительно, когда мы говорим о Реформации как о некоем событии, мы можем говорить о том, что тридентский католицизм является реформационным, и если мы говорим о католицизме после второго Ватиканского собора, он – самый реформационный. Католицизм второго Ватиканского собора – самый радикальный в реформационном пафосе. Недавно папа Франциск сказал интересный тезис: «Надо собирать третий Ватиканский собор, потому что мы недостаточно пошли навстречу нашим братьям православным и протестантам». Это очень сильный, суперреформационный тезис. Этот аспект очень важен.

Второй аспект: когда мы говорили о Вебере. Вебер говорил не о влиянии протестантизма, а о влиянии протестантской этики, как уже некоторого отделения от церковной практики. Потом очень интересный момент: он указывал на то, что католические регионы немецких земель были отсталыми, но, в конце концов, системообразующий бюджет ФРН составляют католические регионы, где сосредоточена главная промышленность Германии. Или, например, первая и вторая экономика Франции. То есть, мы в нашем желании попытаться показать линейное развитие Реформации и попытаться ее неким образом приватизировать, можем прийти к не очень убедительным выводам. Реформация действительно состоялась и она повлияла на весь контекст: духовный, политический, экономический, национальный. И в каждой конкретной ситуации, в каждой конкретной стране Реформация проявилась, конечно, по-разному.

Анатолій Денисенко (коментарій і вопрос слухателя):

– Я хотел сделать комментарий, а потом задать вопрос Сергею Викторовичу относительно Карла Барта, о том, что после него «ничего не было». Среди протестантов, как мне кажется, был уже упомянутый Юрген Мольтман, который повлиял на богословие освобождения в Латинской Америке, написав свою книгу «Богословие надежды». То есть, целый континент «варился», используя его труды и мысли. Сегодня можно упомянуть постлибералов: Стен Хауервас или Джордж Линдбек – это школа, которая есть в Соединенных Штатах. Или упомянуть в Британии радикальную ортодоксию и их дискурс. Проблема в том, что у нас нет их переводов и поэтому мы думаем, что вот был Карл Барт и после него ничего нет. Большинство из нас используют те немногочисленные переводы, которые были сделаны у нас, думая, что это вообще все, что есть. На самом деле все фрагментируется и все ниши уже заняты, поэтому сегодня сказать что-то новое очень сложно.

Вопрос у меня следующего характера: Вы в своем выступлении сказали, что Иисус не был политическим реформатором, социальным, экономическим, но Он был духовным реформатором. А потом Вы сказали, что Иисус пытался реформировать космос. Не видите ли Вы тут противоречия? Потому что, если мы говорим о космосе, то для меня это значит, что Он пытался реформировать все – начиная от политики, до духовной жизни. И тут мне кажется, мы возвращаемся опять в модерн, когда говорим: вот это духовное,

а это советское; это университет — это семинария, это политика, а вот это церковь, — давайте разделим. А мне кажется, надо прийти опять к постсекуляризации, и сказать, что все есть целостное, единое. Иисус был реформатором всей жизни, всего общества.

Сергей Санников:

— По поводу первой части вопроса. Я действительно очень ценю Мольмана и очень его люблю и писал большую работу по нему. Так что в своей книге «Популярная история христианства» в 20-м веке я только и выделил эти два имени: Карл Барт и Мольтман — и больше никого. Но я действительно убежден, что сегодня, уже в 21 веке, нет и не появится таких величин. Это уже ушло в прошлое — в эпоху модерна. Потому что сегодня фрагментация, как Вы совершенно правильно говорите, как бы уже совсем другой подход может создавать только школы богословов, но не отдельных гигантов, которые сами на себе тянут целую богословскую школу или являются основателями богословской школы. Сегодня действительно можно назвать созвездие имен, но не одно имя — вот в чем был тезис, который мы освещали в первой части дискуссии.

Ну, а по второй части, тут Вы абсолютно правы. Я тоже настаиваю на холистическом подходе. Но этот холистический, целостный подход предполагает: если Христос реформатор космоса, вселенной, т. е. Он реформатор, и экономики, и политики, и всего остального, — то как Он это делает? Реформацию в прямом смысле слова понимают как изменение системы — то ли политической, экономической, налоговой, или какой-либо другой. Это — реформация. Христос не реформирует в этом смысле ничего. Он реформирует людей. Он выдергивает корень всего того, что мешает нормальному развитию духа. Потому что космос весь в целом — политическая, экономическая, социальная система, биосфера — все это в идеале должно развиваться, оно не должно стоять на месте. Это должна быть развивающаяся система, но развиваться целостно и без греховного начала. Когда появляется греховное начало, то вот это нормальное развитие всей вселенной нарушается. И с этой точки зрения можно заниматься исправлением тех последствий, которые принес грех — менять политическую систему, экономическую, социальную. Да, действительно, какая-то система может быть лучше, какая-то хуже. Но правильнее то, что делает Иисус Христос — он выдергивает корень, а не борется с последствиями. А когда изменяется основание, начинает меняться все остальное. Изменение людей приводит или должно приводить к изменению экономической системы, политической, экологической и всего остального. Но последовательность должна быть правильная. Вот в чем был мой тезис.

Алексей Маркевич:

— Коротко добавлю. Когда мы говорим, что Христос не политик. Это не означает, что мы как бы не додаем Ему что-то. Это означает, что Он больше

чем политик. Он «выиграл праймериз» среди всех пророков своего времени. Его встречали как царя и хотели поставить царем. Но Он от этого отказался, хотя Его воспринимали как политика. Почему Он отказался? Потому, что Он был больше. И поэтому мы не забираем у Него эту политическую составляющую, но говорим, что Он идет дальше и выше. И о практическом наполнении: мы как церковь можем идти в одном русле с политическим движением на каком-то этапе, либо по какому-то вопросу. Но наша повестка дня, она не политическая. И мы свою повестку дня можем внедрить в политическую жизнь, но не наоборот.

Валентин Синий (вопрос слушателя):

– Возможно ли в нашем сегодняшнем мире – фрагментарном, модернистском, постмодернистском – развитие идей не эволюционное, а по траектории эпидемии? Или это возможно только в экономике, а в церковном контексте это невозможно. То есть, возможно ли быстрое изменение, как эпидемия, как взрыв? Потому что сегодня технические возможности способствуют быстрым переменам, но может быть Церковь не готова, или может быть общество, или сам человек?

Татьяна Никольская:

– Ну, я как раз слушаю вопросы, ответы, обсуждения, думала на тему: а нужна ли современным верующим протестантам постсоветского пространства реформация? В общем-то, одна вещь очень многим нужна, по крайней мере, на словах очень многие хотят пробуждения. Слово пробуждение очень популярно, это духовное обновление верующих, оживление церковной жизни, и т.д., сверхъестественные события. Но понимание этого пробуждения оно, скажем так, пассивное. Люди ждут действия Божьего не понимая, что здесь нужно действие и с их стороны. Люди хотят чего-то такого, что не требует напряжения собственных сил, собственных усилий – то, что как раз было в эпоху Реформации. Хотя я как-то в одной эстонской телепередаче услышала очень забавное определение пробуждения. Оно мне очень понравилось. Что такое пробуждение? Это, когда в твоей церкви сидят грязные люди, едят бутерброды с колбасой и бумажки швыряют на пол. То есть, имеется ввиду Таллинское пробуждение, когда со всей страны ехали люди, ночевать им было негде и они сидели прямо в церкви, там же и ели. И не всем верующим тогда это нравилось. На самом деле пробуждение тоже требует каких-то усилий – умственных, нравственных, духовных. Так вот мне кажется, что сейчас может быть большинство церквей к таким усилиям не готовы. Эпидемия – это то, что происходит вне нашего участия. Этого люди верующие хотят, но приложить усилия со своей стороны – это уже сложнее. Поэтому я думаю, что это маловероятно.

Александр Гейченко:

– Отвечая на вопрос Валентина Сергеевича, мне кажется, что идеи в принципе всегда распространяются таким образом. Взять даже ту же Рефор-

мацию. Скорее такое реформационное, последовательное развитие идей, это вероятнее всего плоды наших реконструкций – исторических, богословских, каких угодно. А кто мог предположить, что этот опыт Лютера в соединении с распространением книгопечатания сможет произвести такие изменения? Вполне возможно, что и в то время было очень много скептиков, которые говорили, что никакого будущего у этого движения в принципе нет. Поэтому я думаю, что у нас есть надежда.

И для меня лично (может быть это банальность) один из уроков Реформации – это то, что и «один в поле воин». Опыт личности, преобразующий опыт личности, может зацепить по живому такое количество людей, что никто из нас не может представить. И вот именно этот живой опыт, распространяясь вирусно (как мы сегодня говорим), он может привести к последствиям, которые ни один футуролог, социолог, кто угодно, предсказать не может. Но, естественно, за всем этим стоит встреча с Богом, со Словом Божьим. Это опыт преображения.

Алексей Маркевич:

– Это давно известная теория про три парадигмы, которые Кун предложил для научных революций, а Кюнг применил это к богословию. Но, заметьте, с одной стороны, да, это можно в истории проследить, но в современности как раз мы этого не особенно видим. Например, APPLE был хорошо представлен, но APPLE как раз делает вид, что есть какие-то революционные изменения: «Купите наш новый продукт!» А по сути, никакого изменения нет. Конечно, мы можем научиться пиару, но этому, наверное, вряд ли нужно учиться. А то, что мир меняется и нет у нас никаких революционных научных открытий, это вполне возможно идет в параллели с тем, что мы видим определенный застой и в церковном сообществе, в развитии богословия.

Ведущий:

– Я хотел бы еще такую плоскость затронуть. Это очень дискуссионный вопрос, который мы можем определить как: «Реформация и единство Церкви». Что есть реформация? Это нарушение единства, или это возвращение к древней Реформации? Или это еще что-то третье, четвертое? Как вы смотрите на реформацию в контексте вопроса о единстве Церкви?

Татьяна Никольская:

– Вообще что касается эпохи Реформации, то здесь действительно случилась такая трагедия. Лютер и другие реформаторы не ставили целью создать новую конфессию. Они ставили цель обновить ту церковь, которая уже была, церковь единую. Но в результате возникла новая конфессия, и она дробилась и это дробление продолжается до сих пор. Я не знаю (еще не до конца решила) как к этому относиться. Протестанты очень здорово «проехались» по самому учению о Церкви, как собранию верующих. Если Церковь это собрание верующих, то собраний может быть сколько угодно,

и нет никакой трагедии, соответственно, в разделении на множество конфессий, при условии, если нету вражды между верующими.

Ведущий:

— Тут есть еще один момент, когда мы говорим о реформации: не закончится ли она созданием очередного какого-то формирования, какой-то супер-церкви? И тогда мы скажем: «Вот, произошла реформация!».

Алексей Маркевич:

— Реформация, конечно же, это болезненный процесс. Но надо понимать, что когда происходит реформация, как было подчеркнuto, это происходит на основе очень твердых и жестких убеждений: «На том стою, и не могу иначе». Да, при этом больно. Да, при этом есть раскол. Но далее, если мы посмотрим, то мы видим, что Католическая церковь после второго Ватиканского собора возвращается в первую очередь к вопросу Писания. Поэтому можно сказать, что через века произошло воссоединение. Оно не произошло под папой римским, но оно произошло под Писанием. То есть, если то на чем стою, это верно, — то все остальное второстепенно.

Виталий Хромец:

— Действительно, нужно указать на то, что Реформация институционально развалила Церковь. Институционально, подчеркиваю. То есть реформатские церкви — лютеранство, кальвинизм, цвинглинианство — они даже между собой воевали. Это начало самой Реформации.

Мне приходится общаться с представителями разных христианских конфессий. И все равно есть такое ощущение на уровне бытовом: если я принадлежу к своей церкви, я ее рассматриваю нормативно, т.е. идеально. Но других христиан, представителей других конфессий, я рассматриваю на бытовом уровне, т.е. так как я вижу их в повседневной реальности. И формируется огромный шлейф стереотипов, который как раз и приводит к тому, что есть множество церквей, но есть и отношение к другим церквям через то, чем они отличаются от меня. Я обратил внимание на такой интересный момент, что когда предлагаешь провести межконфессиональные проекты или мероприятия, то все согласны, говорят «да», но при этом делают все, чтобы эти межконфессиональные мероприятия не произошли. Когда я ставлю, например, такой вопрос: если есть союз студентов-христиан, значит, там должны быть православные и католики, и вместе что-то делать. И тогда, наверное, будут исчезать дикие стереотипы. Единственное межконфессиональное сообщество в Украине, которое очень хорошо сотрудничает, это сообщество академических богословов.

Александр Гейченко:

— Мне кажется, в определенном смысле Реформация как бы разрушила вот такое представление об исключительном праве на обладание истиной. Оказалось, что на самом деле это не так. А сейчас, уже в 20-м веке, мы все

больше и больше начали понимать, что, по сути, каждая церковь обладает только частью истины. Именно поэтому мы нуждаемся друг в друге. Именно поэтому в 20-м веке на первый план выходит именно диалогичность теологии. И, конечно, как было очень хорошо отмечено, что, наверное, пока это происходит главным образом в академической среде. Мне сложно объяснить почему, но это так происходит. То есть церкви начали понимать, что ни одна церковь не обладает всей полнотой истины, и в оригинальном смысле, и в конфессиональном смысле. Поэтому мы нуждаемся друг в друге именно для того, чтобы понимать свои собственные ограничения и видеть, что другая церковь может добавить к нашему представлению о Боге, о предании и т.д. Мне кажется, что это очень важно. Поэтому в каком-то смысле Реформация как событие нарушила это единство, но с другой стороны, запустились процессы, которые начали изменения сначала реформационные в Католической церкви, а потом постепенно это пришло к тому, что в начале 1990-х была написана совместная декларация об оправдании, между католиками и лютеранами. Мы сейчас постфактум об этом говорим, а как будет дальше, сложно сказать.

Ведущий:

— Итак, чтобы быть признанным, должно пройти лет 500?!

Сергей Санников:

— Это пессимистичный взгляд, но с одной стороны он все же оптимистичен: в 2013 г. в Женеве было подписано коммюнике между лютеранами (хотя там были не только лютеране, но и другие протестанты) и католиками. Коммюнике, которое означает, что празднование 500-летия Реформации будет проводиться совместно католиками и протестантами. То есть, более 2-х миллиардов людей собираются праздновать в 2017 году 500-летие Реформации. Но, конечно, это было принято только на очень высоком уровне; на бытовом уровне это совсем не так выглядит. Это оптимистичный знак. Но я, откровенно говоря, смотрю на попытки объединения довольно пессимистично. Я глубоко убежден, что не будет никакого организационного или институционального объединения. Это абсолютно невозможно при любом раскладе событий. То есть, все останутся при своей организации. Но при этом все-таки будет происходить некоторое сближение, которое я обозначаю уже тем, что сегодня уже не политкорректно вообще говорить само слово «деноминация», «конфессия». Считается правильным говорить — «традиция». То есть, есть католическая традиция, православная традиция, протестантская, баптистская, и т.д. Мы уже уходим от такого словоупотребления как церковь (ну, во всяком случае, в академических кругах) и приходим даже к другой терминологии. Но при этом никаких признаков того, что может возникнуть организационное единство, я не вижу. Но более тесное духовно единство все-таки будет. Во всяком случае, сближение на духовном уровне точно идет.

Ведущий:

– То есть, то что католики признают необходимость Реформации тогда и сейчас, это свидетельствует о тенденции, которую можно рассматривать как сближение.

Алексей Маркевич:

– Почему академики могут общаться? Потому, что у них есть общий язык, на котором они общаются. Церковь пока не может так общаться. Язык церкви – это в первую очередь язык молитвы. Он достаточно разный, а там, где он одинаковый, мы собираемся и мы знаем один гимн Лютера и мы все его поем и у нас есть уже язык единства.

Иван Макаренко (вопрос слушателя):

– Мы ведь живем в неидеальном мире, и мы грешники. Поэтому может быть нам не нужно ожидать, что Церковь будет едина. Когда у нас завышенные ожидания, нам кажется, что реформация не должна порождать раскол. И вот хорошая мысль была высказана о том, что мы в духовных вещах можем содействовать традиции, и наш личный вклад, или может быть вклад конкретной традиции может быть в том, чтобы не разжигать разделения.

Павел Левушкан (комментарий слушателя):

– У меня очень короткий комментарий относительно реформации в Католической церкви. Вы должны понимать, что Католическая церковь реформируется только во внешних формах. В своем учении она остается практически неизменной в течение очень продолжительного времени. Все те богословские споры, которые были актуальны в эпоху Реформации, они на самом деле актуальны и сегодня. В этой области никаких изменений или реформ не произошло. На уровне риторики, на уровне пиара внешнего, межцерковных внешних коммуникаций ставятся те или иные акценты. Но мы должны понимать, что все те явления, о которых мы спорим на протяжении уже 500 лет, они остаются действенными, действительными, и они до сих пор актуальны для представителей Римско-католической или Греко-католической церкви. Ну, например, все вопросы, связанные с почитанием Марии, они до сих пор не изменились. Более того, в Постреформацию появились Гриньон де Монфор с учением о Соспасительнице (Мария как Соспасительница) и некоторые другие учения, которые закончились принятием в 1870 году догмата о телесном вознесении Девы Марии. Потом, например, догмат о примате папы и его непогрешимости в вопросах веры и морали – он только развивался в течение этого времени. При Лютере он еще не был сформулирован на уровне обязательного догмата веры, но в 1770 году он был принят как обязательный догмат веры, что привело к старокатолическому расколу, т.е. отделению старокатоликов от Римской церкви. Если мы рассмотрим учение об индульгенциях или сверхдолжных заслугах, которое является основой для учения об индульгенциях, они точно также

остались в целости, но просто по-разному ставятся акценты. И это нужно осознавать. Это не означает, что были католики плохими и они плохие и есть. Но просто они не изменились в этом смысле. Меняются только внешние формы. Мы можем многому научиться и мы должны понимать, что наш диалог заключается не в том, чтобы соединиться с католиками, а в том, чтобы делиться теми дарами, которые у нас есть; соединить те дары, которые есть у нас, и смотреть чему мы можем научиться у братьев. Диалог любви — это прекрасно. Но вот все вопросы относительно третьего Ватиканского собора (и так далее) мне так представляется все-таки немного такими романтическими мечтами.

Ведущий:

— Мне это напоминает известный диалог между пессимистом и оптимистом. Пессимист говорит: «Хуже быть не может». А оптимист говорит: «Может».

Виталий Хромец:

— Еще один аспект, который мне кажется важным. На территории бывшего Советского Союза фактически было полностью уничтожено церковное образование, церковное просвещение. То, что было уничтожено — это воскресные школы и богословское образование. Доктринальное невежество оно иногда просто доходит до таких невероятных уровней. Когда, например, слышишь от православных, какую они дают оценку пятидесятникам или баптистам. Вот где вы видели такого пятидесятника или баптиста, которого вы описываете? Его нет. Он где-то виртуально существует, но как он появился, это действительно очень непонятно. Но с другой стороны, когда священники не имели образования, в первую очередь доктринального образования, тогда они передавали свое личное представление о том, что является вероучением православной церкви. Это касается и баптистов и пятидесятников — всех, которые прошли вот этот атеистический период. И потому главный акцент сближения возможно в том, что мы должны радикально следовать своей ортодоксии, и мы, в конце концов, увидим, что главное — иметь любовь к Богу и к ближнему. И это как раз возможно через то, когда человек будет знать свою доктрину и ей следовать не слепо, но абсолютно осмысленно. Если уровень образования достигнет среднего уровня в обществе, тогда возможно системное влияние христиан на конкретно взятое общество. На данный момент мы можем говорить, что наши церкви в этом плане не дорабатывают.

Татьяна Никольская:

— Насчет дореволюционного уровня образования и просвещения, не будем идеализировать. Только в конце 19 века началась миссионерская работа среди русского народа. До этого времени считалось, что русский он и так православный. Иногда приводятся примеры, когда человек православный в дореволюционное время ни разу не был на исповеди, не был на

причастии, но он, как в советское время, был вообще-то в церкви два раза: один раз на крещении и второй раз на отпевании самого себя. То есть уровень просвещения до революции он тоже не был высоким.

Сергей Санников:

— У меня вопрос к Виталию (он более компетентен в этом вопросе). Есть большие ожидания и чаяния от всеправославного собора, который готовится уже не один десяток лет. Действительно ли можно что-то ожидать, и что хотя бы в теории, в мечтаниях можно ожидать от этого собора?

Виталий Хромец:

— Почему до сих пор этот собор или как его называют, всеправославное совещание, не произошло? Главным камнем преткновения является вопрос: кто и в какой последовательности будут сидеть патриархи. Вы понимаете?! И первый пункт повестки дня — это как раз определение диптиха: кто, в какой последовательности и как их рассадить за столом. Это, конечно, удручающие вещи. Но, в конце концов, мы ожидаем, что это все-таки будет православный Ватикан, и действительно, многие вещи, которые в православной церкви являются уже просто вопиющими архаизмами, что все-таки они будут переосмыслены, переоценены и будут предложены какие-то новые формы и формулировки. То есть, все-таки есть ожидания, что это будет второй или третий Ватикан.

Ведущий:

— Друзья! У нас будет еще одна, следующая конференция, которая будет называться: «Реформация и Восточная Европа». И вот эти вопросы там будут стоять более остро и актуально.

Давайте поблагодарим всех наших участников.